

Хуббитдинова Нэркэс Ахметовна

ЛИТЕРАТУРНАЯ МИСТИФИКАЦИЯ, ИЛИ ПРИЕМЫ "ЭТНИЧЕСКОГО ДРУГОГО", В ПОВЕСТИ "КУЗ-КУРПЯЧ" ТИМОФЕЯ БЕЛЯЕВА

В статье рассматриваются особенности применения приема литературной мистификации, или "этнического другого", в русской литературе на примере литературной обработки башкирского эпоса русским писателем Т. С. Беляевым, выступившим в новом произведении этим "этническим другим", т.е. башкирским сказителем-сэсэнэом. Автор делает вывод о том, что никому не известный крепостной крестьянин - писатель-дилетант, поклоняясь поэзии русского поэта Г. Р. Державина, мастерски использовал его метод литературной мистификации в своей повести "Куз-Кураяч", чем завоевал признание и популярность среди современных ему собратьев по перу.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/1-2/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 1(79). Ч. 2. С. 259-261. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 882.821

В статье рассматриваются особенности применения приема литературной мистификации, или «этнического другого», в русской литературе на примере литературной обработки башкирского эпоса русским писателем Т. С. Беляевым, выступившим в новом произведении этим «этническим другим», т.е. башкирским сказителем-сэсэн. Автор делает вывод о том, что никому не известный крепостной крестьянин – писатель-дилетант, поклоняясь поэзии русского поэта Г. Р. Державина, мастерски использовал его метод литературной мистификации в своей повести «Куз-Кураич», чем завоевал признание и популярность среди современных ему собратьев по перу.

Ключевые слова и фразы: русская литература; литературная мистификация; «этнический другой»; русский поэт; башкирский сказитель-сэсэн; башкирская повесть.

Хуббитдинова Нэркэс Ахметовна, д. филол. н.

*Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук
narkas08@mail.ru*

ЛИТЕРАТУРНАЯ МИСТИФИКАЦИЯ, ИЛИ ПРИЕМЫ «ЭТНИЧЕСКОГО ДРУГОГО», В ПОВЕСТИ «КУЗ-КУРПЯЧ» ТИМОФЕЯ БЕЛЯЕВА

В литературном творчестве можно встретить традицию использования приемов литературной мистификации, или образа «этнического другого». Так, под мужскими псевдонимами печаталась русская поэтесса Зинаида Гиппиус, именовавшаяся в печати как Лев Пущин, Роман Аренский, Антон Крайний, Никита Вечер, Товарищ Герман, Антон Кирша, французская писательница Амандина Аврора Люсиль Дюпен – как Жорж Санд, английский автор знаменитого цикла романов о Гарри Поттере Джоан Роулинг – как Дж. К. Роулинг и Роберт Гэлбрейт и т.д. Однако мистификация в литературе не ограничивается лишь подобными «хитростями». Она распространяется и на этническое происхождение самого автора, когда появляется необходимость в литературной мистификации его национальности в виде «этнического другого», благодаря чему произведение получало популярность в родной для писателя этнической среде. Подобное явление можно проследить и относительно русской словесности XIX века, когда русские писатели-дилетанты обратили пристальное внимание на фольклор иных народов России, башкир, в частности.

Сын простого крепостного крестьянина крупного в Оренбургской губернии помещика Н. И. Тимашева Тимофей Савельевич Беляев (1786-1846) стал известен после опубликования им в 1812 году своего первого произведения «Куз-Курпяч, башкирская повесть, писанная на башкирском языке одним курайчем¹ и переведенная на российский в долинах гор Рифейских, 1809 года» (далее – повесть «Куз-Курпяч») в городе Казани в типографии при Казанском университете. Позже в 1814 г. им были написаны и опубликованы такие поэтические произведения, как «К старому и новому домам в деревне Ключах» (ж-л «Сын Отечества»), «Песнь Курайчи Рифейских гор» (кн. «Чтения в беседе любителей русского слова»).

Повесть «Куз-Курпяч» была написана на сюжет башкирского народного эпоса «Кузыйкупес и Маянхылу», который был художественно обработан, интерпретирован автором на литературный лад. В итоге народный эпос принял вид нового литературного произведения. Литературная версия эпоса была обогащена новыми сюжетными линиями, эпическими мотивами и образами.

Относительно традиции «этнического другого» здесь интерес представляет уже само название повести, в котором говорится, что она была написана «на башкирском языке одним курайчем» и переведена «на российский в долинах гор Рифейских...». Это, видимо, должно было указать на иноязычность оригинала, его иную этническую принадлежность, что усиливало уникальность этой повести. Творческая цель Т. Беляева ясна. Несмотря на существование множества взглядов исследователей, здесь наблюдается описанное выше явление, когда автор намеренно присваивал себе иное этническое происхождение, а в русской литературе XVIII-XIX вв. им чаще являлся «восточный» тип. Это делалось для того, чтобы художественно вымышленное произведение было принято читателями за правду. Как отмечал М. И. Стеблин-Каменский, если «литературное произведение, представляющее собой сознательный вымысел, и рассчитано на то, чтобы его приняли за правду в собственном смысле этого слова, то это – мистификация (курсив наш. – Н. Х.), сравнительно редкий вид художественного вымысла» [8, с. 29].

Причина литературной мистификации, примененной Т. С. Беляевым в своей повести, в которой повествование ведется якобы от лица некоего башкирского курайчи-сказителя, возможно, кроется именно в традиции русской литературы XVIII-XIX веков. Зачинателем традиции применения «маски этнического “другого”» и организации вокруг нее некоего поэтического маскарада считается поэт Г. Р. Державин. Так, его известная ода «Фелица» изначально называлась «Ода к премудрой Киргиз-Кайсакской Царевне Фелице, писанная

¹ Раньше «курайчи» называли сказителей, певцов-импровизаторов, мастеров слова – сэсэнов, которые сопровождали свое выступление игрою на национальном духовом тростниковом музыкальном инструменте курай.

Татарским Мурзою, издавна поселившимся в Москве, а живущим по делам своим в Санкт-Петербурге. Переведена с арабского языка, 1782». Исследователи усматривают в этом лукавство поэта: если своим упоминанием татарского мурзы он отсылает нас к своему кровному родству с мурзой Багримом, то арабским языком он не владел [6, с. 193]. Ода была посвящена императрице Екатерине II и под «Киргиз-Кайсакской Царевной Фелицей», конечно, подразумевалась именно она. Царица как бы приняла эту игру маскарадного поэтического ряжения и одарила поэта весьма щедро: вместе с 500 червонцами она подарила ему золотую табакерку с надписью «Из Оренбурга от Киргиз-Кайсакской царевны Державину».

Образ инородца, «ряженного в восточную одежду», получает художественное применение в творчестве ряда писателей («кавказские поэмы» А. С. Пушкина, «Хищники на Чегеме» и «Кальянич» А. С. Грибоедова, «Песнь пленного ирокезца», «Ахалук, мой ахалук» и «Эрпели» А. И. Полежаева, «Чир-Юрт» и «Валерик» Ю. М. Лермонтова, «Китаец в Петербурге» П. А. Словцова, «Вечер на горе Могое», «К Мурзе» Н. С. Смирнова, произведения П. М. Кудряшева на темы башкирских и татарских легенд и преданий, «Араслан-Бабр» Н. Н. Кафтанникова и др.).

Становится понятной причина обращения Т. С. Беляева, писавшего свою повесть под руководством своего хозяина Н. И. Тимашева – неистового поклонника поэзии Г. Р. Державина, к башкирской теме и теме киргиз-кайсаков. Избрание башкирской темы объясняется тем, что Т. Беляев всю жизнь прожил среди башкир Оренбургской губернии. Киргиз-кайсаки же упоминаются ввиду того, что, во-первых, он также контактировал с ними, во-вторых, о них речь идет в поэме Г. Державина. Сказав в оде об императрице Екатерине II: «Из разногласия согласье, / И из страстей свирепых счастье, / Ты можешь только созидать...» [4, с. 141], поэт хотел подчеркнуть справедливое правление ею страной. У Т. С. Беляева эта самая идея продолжается и рассматривается в ракурсе дружбы между царскими подданными башкирами и их соседями киргиз-кайсаками. Такой мирной жизнью они, согласно беляевскому замыслу, могут жить только под милосердным управлением другого русского царя Ивана IV, как его называли башкиры «Белого падши», в период царствования которого они вошли в состав Русского государства. Если у Г. Р. Державина восхваляются дела Екатерины II, то у Т. С. Беляева – его современника Александра II. Таков результат преемственности державинской маскарадной мистификации образа этнического «другого» в произведении Т. Беляева.

В повести «Куз-Курпяч» интертекстуальная отсылка на оду «Фелица» Г. Державина обнаруживается также при имплицитном намеке на «прототипов» героев и персонажей. Так, в оде лирический герой, рассказывая о своем повседневном быте, перечисляет свои привычки и развлечения:

...Или музыкой и певцами,
 Органом и волынкой вдруг,
 Или кулачными бойцами
 И пляской веселю мой дух;
 Или, о всех делах заботу
 Оставя, езжу на охоту
 И забавляюсь лаем псов;
 Или над невскими брегами
 Я тешусь по ночам рогами
 И граблей удалых гребцов [Там же, с. 138]...

Отдельные строки этого стиха всегда имели причастность к кому-либо, т.е. между строк прочитывались исторические личности. Например, согласно исследованиям Я. Грота, под «кулачными борцами» подразумевался граф А. Г. Орлов как любитель данного вида спорта, охота с псами относится к графу П. И. Панину, который также был поклонником данного развлечения, и т.д. [Там же].

Подобную прототипность можно наблюдать и у Т. С. Беляева, в повести которого эпизоды охоты в художественно-эстетическом смысле выполняют функцию сюжетообразующего мотива, но под любителем народных развлечений подразумевался сам Н. И. Тимашев, очень любивший охоту (об этом также писал В. Даль в своем очерке «Охота на волков») [2, с. 170-172], а также все виды национальных состязаний, проводимых во время больших праздничных собраний – народных ййынов, когда имели место скачки, стрельба из лука, борьба-кураш. Последнюю он, видимо, уважал более всего, что заставило Т. С. Беляева выделить для ее художественного изображения отдельную картину, сюжетную линию [1, с. 273]. Под певцами у Т. С. Беляева традиционно подразумеваются башкирские сэсэнны – певцы-импровизаторы, а под музыкальными рогами – национальный духовой инструмент курай [Там же, с. 253, 265].

В общем и целом повесть Т. С. Беляева написана под влиянием оды «Фелица» Г. Р. Державина, которому одному из первых Н. Тимашев и отправил экземпляр ее книжного издания. Близость общения и дружеские чувства, которыми пронизаны письма помещика к поэту, которого он, как и многие другие, называл «певцом Фелицы» или «Мурзой», можно также объяснить их делопроизводственными связями, заключавшимися в покупке земли. Еще в 50-60-х гг. XVIII в. отец поэта Роман Державин приобрел земли в Бузулукском и Бугурусланском уездах Оренбургской губернии. А в 1755 г. в этих краях также приобрел земли выходец из Симбирской губернии капитан Шешминского полка отец Николая Тимашева Иван Тимашев. Он за короткий срок сумел скупить у башкир обширнейшие земельные владения и создать крупное имение в Оренбургском уезде [5]. Сперва отец, позже сын из Тимашевых занимались земельными делами Державиных,

когда поэту стало в особенности трудно управлять ими, живя в столице. Именно эти хозяйственные, а позже и творческие дела и связывали Г. Р. Державина и Н. И. Тимашева, о чем свидетельствует их многолетняя переписка [3, с. 221, 322].

Возвращаясь к моменту отсылки экземпляра повести «Куз-Курпяч» поэту Г. Р. Державину, также можно добавить следующее. Помещик Н. И. Тимашев приложил к нему письмо, в котором поведал об истории ее написания и издания. Так, из письма становится ясно, что он изначально велел своему «грамотею», под которым, конечно, имел в виду Т. С. Беляева, записать одну из сказок о башкирских батырах. Он же по совету других эту запись «придал типу», и она была представлена в типографию для издания. В письме также говорится, что он велел своему курайчи, т.е. все тому же Тимофею Беляеву, «выписать то, что по-нашему складно, а по-ученому нескладно» (т.е. понятные им башкирские слова в русской транслитерации или слова просторечий, которые были помещены в «приложение» к повести, высылаемой Г. Р. Державину). В этом «приложении», в частности, говорится: «При напечатании Куз-Курпяча, казанская цензура, почтя неисправными, некоторые места переменяла (т.е. здесь речь идет о тексте повести, представленной по типу к печати. – Н. Х.), которые здесь вместе с подлинником от переводившаго (т.е. изначально записанный текст башкирского эпоса в переводе на русский язык. – Н. Х.) предлагаются читателю, знающему обычай башкирцев, на рассмотрение» [Там же, с. 286]. Под курайчи подразумевается все тот же Т. С. Беляев, о чем также говорил в своих исследованиях М. Г. Рахимкулов [7, с. 26].

Таким образом, никому не известный в литературных кругах простой крепостной крестьянин Тимофей Беляев был тем лицом, который, следуя традициям известного русского поэта Г. Р. Державина, примерил на себя маску этнического «другого» и, прибегнув к литературной мистификации, впервые в русской литературе на художественном полотне изобразил материальную и духовную картину мира башкир. Его повесть стала примером для творчества П. М. Кудряшева, Н. Н. Кафтанникова, В. И. Даля, которые позже также обратились к башкирской тематике.

Список источников

1. Беляев Т. С. Куз-Курпяч, башкирская повесть... // Башкирия в русской литературе / сост., авт. вст. сл., ком. М. Г. Рахимкулов. Уфа: Башкнигоиздат, 1990. Т. 1. 512 с.
2. Даль В. И. Охота на волков // Башкирия в русской литературе / сост., авт. вст. сл., ком. М. Г. Рахимкулов. Уфа: Башкнигоиздат, 1990. Т. 1. С. 170-172.
3. Державин Г. Р. Сочинения. СПб., 1876. Т. 6. Переписки (1794 и 1816) и «записки» с объяснительными примечаниями Я. Грота. 840 с.
4. Державин Г. Р. Фелица // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1864. Т. 1. Стихотворения. Ч. 1. 872 с.
5. Зобов Ю. С. Начало заселения [Электронный ресурс]. URL: http://his95.narod.ru/oren/istor_2_3.htm (дата обращения: 16.11.2017).
6. Зырянов О. В. «Фелица» Г. Р. Державина и «К Мурзе» Н. С. Смирнова: образ этнически «другого» (человека востока) в русской поэзии // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2011. Вып. 6. Историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть / Е. К. Созина (отв. ред.). С. 193-201.
7. Рахимкулов М. Г. Народной мудрости родник. Уфа: Башкнигоиздат, 1988. 184 с.
8. Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Становление литературы. Л.: Наука, 1989. 246 с.

LITERARY MYSTIFICATION, OR “ETHNIC OTHER” TECHNIQUES IN TIMOFEI BELYAEV’S STORY “KUZ-KURPYACH”

Khubbitdinova Nerkes Akhmetovna, Doctor in Philology
Institute of History, Language and Literature
of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
narkas08@mail.ru

The article examines the peculiarities of using literary mystification, or “ethnic other” technique in Russian literature. As an example, the author analyzes literary adaptation of the Bashkir epos made by the Russian writer T. S. Belyaev who came out as “ethnic other”, i.e. the Bashkir narrator – *sesen*. The paper concludes that an obscure serf – an amateur writer, admirer of G. R. Derzhavin’s poetry, skillfully used his method of literary mystification in his own story “Kuz-Kurpyach” which won the acknowledgment and popularity among the contemporary authors.

Key words and phrases: Russian literature; literary mystification; “ethnic other”; Russian poet; Bashkir narrator – *sesen*; Bashkir story.